

УДК 821.161.1

Е. А. Павлова*Московский государственный областной университет***ПОЭТИЧЕСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЛИРИКЕ
Н. ОЦУПА И В. СМОЛЕНСКОГО**

Аннотация. В статье предлагается параллельный анализ стихов Н.А. Оцупа и В.А. Смоленского о гражданской войне в России. На основе системы образов и мотивов выявляется позиция поэтов по отношению к историческим событиям первой четверти XX века, характеризуется концептуальный, идейный аспект избранных произведений. Рассматриваются различные трактовки образа России (от восприятия её природно-ландшафтного облика до осмысления духовного, мистического предназначения), авторские оценки двумя поэтами миссии эмиграции. Сделан вывод, что лирика о русской трагедии рассматривается ими как разновидность реализации духовной памяти, залог воскресения образа России в её потомках.

Ключевые слова: Оцуп, Смоленский, гражданская война, Россия, художественный образ, миссия, эмиграция, мотив, раскаяние, духовная память.

E. Pavlova*Moscow State Regional University***THE CIVIL WAR IN N. OTSUP AND V. SMOLENSKY'S POETRY**

Abstract. The parallel analysis of poems about the Civil War in Russia by N. Otsup and V. Smolensky is offered in the article. Images and motives reveal the authors' position to the historical events of the first quarter of the 20th century. Conceptual and ideological aspects of selected works are also characterized. The article presents various interpretations of the image of Russia (from the perception of its natural and landscape shape to understanding of spiritual, mystical destination), author's assessments by two poets mission emigration. The conclusion is drawn that the poems about the Russian tragedy is considered by them as a kind of realization of spiritual memory, pledge of revival of an image of Russia in its descendants.

Keywords: Otsup, Smolensky, the Civil war, Russia, an artistic image, mission, emigration, motive, repentance, a spiritual memory.

Полмира пропитано дымом, словно густым табаком.

Н. Оцуп. Война

Пожаром дымным наши дни горят,

Горячий пепел ветер развеивает.

В. Смоленский. Закат

Стихи о гражданской войне в России занимают особое место в творчестве поэтов русского зарубежья. Им, как носителям русской культуры, принадлежит

немаловажная роль в создании художественного осмысления происходивших на родине событий. Об эмиграции как особой миссии, поставленной самой историей, отзывались З.Н. Гиппиус и Г.В. Адамович [1, с.105]. Для Николая Авдеевича Оцупа (23 октября 1894, Царское Село — 28 декабря 1958, Париж), как и для Владимира Алексеевича Смоленского (24 июля 1901, под Луганском — 8 ноября 1961, Париж), гражданская война стала не просто жизненным потрясением, но и определённой жизненной вехой, обратившей их в невольных участников социально-политической жизни.

Не случайно статье предпосланы два эпиграфа, вторящих друг другу. Дым, о котором речь идёт в стихотворении «Война», написанном Н. Оцупом в 1921 г. ещё в Петербурге, пропитал всю Европу, Западную и Восточную, а вместе с географическим пространством сознание и творчество поэтов эмигрантов первой волны, распространился на многие десятилетия и превратился в «дымный пожар» русской поэзии 1920-х годов, создававшейся в советской России и в русском зарубежье. Образ дыма и его эквиваленты представлены в творчестве младоэмигрантов, в частности В. Смоленского и Н. Оцупа, как следствие или верный спутник гражданской войны, воплощая собой неизвестность будущего, смутность настоящего, зыбкость идеалов, ценностей и личностных установок. Несомненно, в художественном творчестве этих двух представителей русского зарубежья гражданская война представлена по-разному – в зависимости от причин личного порядка и причастности каждого к своему поколению.

«Николай Оцуп принадлежал к тем, кто не отказывался разделить ответственность за всё, что с нами происходило», – писал Е. Евтушенко в своей антологии «Десять веков русской поэзии» [7, с. 418]. Ю.В. Матвеева в своём исследовании определила художественную позицию В. Смоленского как «”заинтересованную”, жизненно и идейно предопределённую» [9, с. 47]. Предпосылкой такой характеристики явилась пережитая поэтом в 18 лет трагедия: на его глазах был расстрелян отец. Спустя десятилетия гибель близкого человека воплощается заново в стихотворениях «Ты встанешь из ледяной земли...», «Стансы», в цикле «Таисии Смоленской» и других. В одном случае это нечеловеческое усилие воли лирического героя, когда он воскрешает в своём сердце образ отца, уверившись, что «смерти нет»; в другом – ретроспективный взгляд в прошлое, где внутреннему взору поэта предстают картины далёкого детства, где живы родные люди, где «судьбы ужасные черты» ещё только проступают в небесной лазури [14, с.106].

Для Н. Оцупа события Октябрьской революции, как и для большей части интеллигенции той эпохи, воспринималась как осуществление чаяний декабристов. Но последующие события в его судьбе навсегда предопределили отношение поэта к своему времени. 1921 год стал для Н. Оцупа годом тяжелейших личных потерь: умер Блок, расстрелян Гумилёв – два гения русской поэзии, под влиянием которых формировалась творческая личность молодого поэта. Кроме того, по свидетельству Л. Аллена, покидая в 1922 году Россию, Оцуп оставлял на родине нежно любимую жену [2, с.12]. От-

кликом поэта на события гражданской войны в России явился первый стихотворный сборник Оцупа «Град», выпущенный в издательстве «Цеха поэтов» в 1922 году, а названные события определили его состав. Смерть Гумилёва, собрата по «Цеху», Н. Оцуп пережил как личную трагедию, как семейный траур. Спустя шесть дней после гибели поэта было написано стихотворение «Тёплое сердце брата укусили свинцовые осы...», которое явилось взрывом ярких красок, прозвучало громогласной скорбью реквиема; оно отражает символическое восприятие мира, таит нерасторжимую связь между природой, космосом, человеческой жизнью и душой поэта.

Стихотворение проникнуто горем невосполнимой утраты друга, брата. Все художественные средства подчинены воссозданию этого чувства. В первой строфе метафорически изображённая картина расстрела Гумилёва усилена цитированием его стихотворения «Война»: «И жужжат шрапнели, словно пчёлы, / Собирая ярко красный мёд» [4, с. 52].

Тёплое сердце брата укусили свинцовые осы,

Волжские нивы побиты жёлтым палящим дождём,

В нищей корзине жизни — яблоки и папиросы,

Трижды чудесна осень в бедном величье своём.

Медленный листопад на самом краю небосклона,

Желтизна проступила на теле стальных газет,

Кровью листьев сочится рубашка осеннего клёна,

В матовом небе зданий жёлто-багряный цвет [11, с. 29].

Образ «нищей корзины жизни», где лишь «яблоки и папиросы», возможно, является некоей трансформацией образа из стихотворения Ахматовой: «Ты письмо моё, милый, не комкай, / Не плачь о заветной лжи, / И его в твоей бедной котомке / На самое дно положи» [3, с. 32].

Строки «Желтизна проступила на теле стальных газет», по мнению В. Крейда, обусловлены реалиями 1921 года, когда на петроградских улицах расклеивали газеты с сообщением о расстреле Гумилёва [12, с. 115].

Опираясь на идею слиянности человеческого и природного миров, Оцуп расширительно выражает своё горе как скорбь «всемирного листопада» [11, с. 29]. Вместе с горюющим Поэтом преклоняется перед подвигом друга Природа: «С низким поклоном листья в воздухе Летнего сада» [11, с. 29]. Оцуп искусно переплетает описание трагических августовских дней с изображением природы. Осень, «кровь листьев», «холодное золото», «запах милого тленья от руки восковой», «мёртвые листья», «саван первого снега» – всё это атрибуты смерти [11, с. 29]. За картинами безжизненной осени проступает образ Петрограда, ставшего скорбным, бесприютным, холодным, наполненным молчанием гибели, лишь изредка прерываемым одиноким гиком летящей «по звонким камням» «шалльной телеги» [11, с. 29]. Одним из основных средств, подчёркивающих тему стихотворения, является звукопись. Строки содержат повторы звуков: [з], [с], [л], – аллитерации сливаются в одну скорбную поэтическую мелодию, проникнутую лейтмотивом осеннего шелеста опавших листьев.

Особую оригинальность в данном стихотворении имеет композиция:

строчки «Трижды чудесна осень в бедном величье своём» в первой строфе и «Трижды прекрасна жизнь в жестокой правде своей» в последней строфе перекликаются между собой [11, с. 29]. Эти строки словно замыкают картины трагедии, увядания, тоски, смерти, преодолевают их по акмеистическому завещанию Гумилёва «идти по линии наибольшего сопротивления» [5, с. 148].

Романтическое сочетание чувства трагизма эпохи и жизнеутверждающей силы было навеяно у Оцупа поздними стихотворениями Гумилёва. Эти две антиномии – отчаяние и надежда – определили образную систему в целом и мотивы воссоздания темы гражданской войны в сборнике «Град». Так, в стихотворении «На дне» поэт изображает «сумасшедшие года» как буйствование стихии непрекращающейся непогоды [11, с. 49]. В этой фантазматической буре лирический герой борется за жизнь, «глотаю волн кипящее вино», но «смытый, наконец», идёт ко дну [11, с. 27, 28]. Акмеистически точные, выверенные образы («гигантский краб Казанского собора», «шевелиются мохнатые колонны», «длинные тритоны // Плюются пеной с почерневших стен» [11, с. 28]) создают картину, схожую с пушкинской картиной бушующих стихий в «Медном всаднике». В Петербургской повести Пушкина не было места идиллии, у Оцупа её тоже нет, но есть просветлённая молитвой надежда: «Стихает буря – радуга на дне» [11, с. 28].

Образ пошатнувшегося, опалённого бедами, избитого градом братских пуль, омытого кровавым потоком древа жизни, за которым угадывается судьба России, предстаёт в стихотворении Оцупа «Гремел сегодня ночью

гром». Сильнейшая живая связь лирического героя с родиной рождает «тяжёлый бред» в ночи:

Я чёрным деревом стою,
Обугленный и ветхий,
И продолжают жизнь мою
Раскинутые ветки [11, с. 27].

Такое метафорическое представление образа России позволяет поэту развить тему духовной «трепещущей памяти», проводником которой является он и его поколение истинных хранителей культурно-исторического наследия, залог воскресения образа России в её потомках [11, с. 27]. Родственную мысль выразил В. Смоленский в статье «Воспоминания»: «...Смерть не есть первичное свойство жизни, а только его позднейшее добавление. Человек потерял физическое бессмертие, но приобрёл бессмертие духовное» [13].

Концепция падения и возрождения мира, представленная и в творчестве В. Смоленского, нашла своё воплощение в его стихотворении «Закат». Поэтическая картина здесь близка по настроению к Апокалипсису Иоанна Богослова. Спасением неожиданно выступают посланник «закат» и его «ночь» – великие целительные силы природы, с её цикличностью и стремлением к возрождению [14, с. 52]. Об этом убедительно пишет А.Г. Данилов в своей монографии: «Концепция спасения, развиваемая в лирике Смоленского 1930-х годов, проистекает из чувства богооставленности, владевшего поэтом именно в этот период: Бог “покинул” землю, и Его место тут же заняли иные, земные силы, которым и оказалась подчинена человеческая жизнь» [6, с. 32]. Н. Оцуп в статье «Из дневника» (1933) писал: «Природа –

грандиозная, несоизмеримая с человеком, и пока есть смерть, вечный и безжалостный его истребитель» [10, с. 131]. Размышляя о причинах такого умонастроения своих современников, Н. Оцуп в этой же статье чуть ниже отметил: «Для наших современников самый образ Христа подёрнулся дымкой условности, стал символом утрачиваемой прежней культуры (всего лишь культуры). Для некоторых Он – память о духовном счастье, но тоже бывшем и утраченном» [10, с. 133].

Н. Оцуп пытается доискаться до истинных причин разворачивающихся событий, прояснить горизонты будущего, отыскать своё место и роль в происходящем. В этом отношении центральным в сборнике «Град» является стихотворение «Война», построенное по принципу антитезы. Мир перевернутый, изрытый окопами, задушенный «кашлем усталых орудий» противостоит детским идиллическим воспоминаниям о покое и безмятежности царскосельских лет [11, с. 35]. «Все одного со мной сомнительного поколения», лелеявшие мечту о революции (образ «кровавой чалмы») теперь оказываются «ранеными в сердце навывлет» [11, с. 36]. Подобные умонастроения присущи и лирике Ю. Терапиано, который, вспоминая о революционных событиях и годах гражданской войны, поднимает тему обманутой надежды на «явление свободы», в его стихах звучит мотив сожаления: «Почему я не убит, как братья» [15, с. 44], как и в стихотворении Н. Оцупа «Война», где мотив раскаяния, отчаяния достигает масштаба мировой тоски. Длинные строки, неточные бедные рифмы заставляют звучать поэтический текст речитативом. Дисгармония

образа войны передана поэтом через аллитерацию. Глухие звуки чередуются с сонорными – звучит какофония баталий ([с], [ш], [р], [н], [р], [ф], [к], [р], [л], [с]). Характеризуя поэтику Н. Оцупа, Л. Аллен утверждал: «...В лирике Оцупа <...> живописный элемент тесно связан с музыкальным» [2, с. 9].

Поэтическому видению гражданской войны в лирике Н. Оцупа созвучно стихотворение В. Смоленского «Над Чёрным морем, над белым Крымом». Благодаря аллитерации, чередованию женской и дактилической рифмы, четырёхударному дольнику, воссоздаётся особая музыка, выражающая динамичность и стремительность событий гражданской войны. Образ «града русских пуль» на семантическом уровне сопоставим с ведущими мотивами сборника «Град» Н. Оцупа, где вынесенный в заголовок символ перерастает основной смысл и сближается с категорией стихии. Образ дыма, подчёркивающий зыбкость прежнего мироустройства, неясность будущих горизонтов, характерен и для раннего творчества Н. Оцупа. Зародившись в сборнике «Град», дым и его эквиваленты (туман, мгла, мрак, ад) перейдут в сборник «В дыму», а затем будут прослеживаться в поэме «Встреча», каждый раз открывая новую грань, новую ипостась образа гражданской войны в поэтическом видении поэта.

Сборник «В дыму» открывает стихотворение «Я с винтовкой караюлю...». Оно состоит из нескольких отдельных зарисовок, позволяющих ощутить атмосферу сборника, где царит «снег и мгла» [11, с. 48]. Стихотворение ритмично, однако молниеносность и медлительность, тягучесть времени и событий представляют

собой причудливое взаимопроникновение, отражают мировосприятие лирическим героем сцен из истории гражданской войны.

Возникает мотив «небывалой» прежней мирной жизни («Сразу стало небывалым // Всё, что было. Страшный суд» [11, с. 48]). Эта мысль продолжала тревожить и в стихотворении «Счёт давно уже потерян» 1922 г. («Мирных лет и не бывало, // Это благодушный бред» [11, с. 49]). Переломные года в истории России Оцуп именуется Страшным судом. Такое духовное понимание сути происходящего возникло не случайно, поскольку каждый предстал перед этими событиями будто для проверки на прочность. Вместе с тем формула «Страшный суд» обозначает и период жизни героя, событие личного порядка («Все явилось в новом свете // Для меня и навсегда» [11, с. 49]). Развитие этой мысли можно найти в стихотворении «Лови. Лови! И ворона в мыле», целиком построенном на антитезе и резких контрастах. Первая строка создаёт сбивчивый ритм погони, азарта, а уже следующая – полную отстранённость от событий. Поэт прочно связывает подобные крайности временем: «Мы с детства привыкаем и не плачем» [11, с. 49]. Лирический герой, с одной стороны, отстранён от происходящего, с другой – его мир, несомненно, часть общего бытия. Для него важно в этом смещении крайностей не остаться равнодушным к земным ужасам, не омертветь.

Обострённое чувство ответственности за происходящие события в России явилось ключевым мотивом в стихотворении «Ты говорила: “Мы не в ссоре...”». Построенное как диалог лирического героя со своей воз-

любленной, оживающей в его памяти, оно завершается горьким вердиктом, который лирический герой выносит сам себе: «Но это только сон: измена // Навеки разлучила нас» [11, с. 57]. Безусловно, речь идёт не о личных отношениях, ведь герои «стать чужими не могли» [11, с. 57]. Такая интерпретация эмиграции по отношению к России и её судьбе обусловлена, по свидетельству Л. Аллена ахматовскими строками: «Не с теми я, кто бросил землю // На растерзание врагам» [3, с. 54].

Определённое художественное воплощение тема гражданской войны получила и в поэме Оцупа «Встреча». В отрывке «Карьером! Стоя на седле...» части о Царском Селе возникает «панорама джигитовки» [11, с. 80]. Отчётливыми штрихами Оцуп воссоздаёт удалой дух предвоенной атмосферы. Эта часть «Царского Села» довольно ритмична, благодаря чему возникает ощущение азарта, неподдельной увлечённости джигитовкой, чувство присутствия. Н.А. Оцуп создаёт потрясающую аллитерацию, передающую масштабы единой трагедии вечного бытия, «наслоения веков». Возникает ужасающая картина движущихся «в дыму и пламени» ряд за рядом «стонущих душ» [11, с. 81]. Атмосфера накаляется до невероятности: «не может в воздухе висеть // Такая тяжесть...» [11, с. 81]. Упоминание «Третьего Рима», несомненно, отсылает к историческому образу Москвы этого периода, где рушилась прежняя и зарождалась новая империя, где заволакивалось «медленным и плотным дымом» светлое прошлое и его олицетворение – Царское Село, мерцающее сквозь этот мрак «всё тягостнее и бесполезнее» [11, с. 81]. В связи с этим строки об

оживлении вокруг Царя мирной джигитовки становятся пророческими и влекут за собой образ войны.

Третья часть поэмы – «Двадцатый год» – наполнена горечью жуткого возмездия, холодом ночи, мраком, духом смерти, хрустом костей, визгом собак и выстрелами. Разговорная речь, включённая в поэтические строки, достоверно передаёт драматизм происходящих событий.

Мотив крепкого духовного единения с Россией, с родным народом звучит в стихотворении Н. Оцупа «Зашлёпанные мокрым снегом...». Здесь создаётся образ мятежной России – «края огромного», умытого слезами «злых туч», нарушающего «хрупкий западный уют» лишь порывом ветра, несущего «вековых буранов соль» и «въедчивую боль» [11, с. 97]. Благодаря упоминанию о страдающем народе как о мучениках, образы приобретают религиозно-философское наполнение. Для лирического героя, ставшего лишь «человеком над Сеной», важно признание силы России в её онтологическом понимании. Несомненно и неоспорима его связь с Россией как духовное состояние: «Всем сердцем слышит край огромный» [11, с. 97].

Похожее восприятие образа России можно найти и в творчестве В. Смоленского. Обратимся к стихотворению «Кричи не кричи – нет ответа...». Образ России, чьи «небесные очи» взирают на мрак души и эмигрантскую жизнь лирического героя, приобретает онтологическую неизбывность: единение с ней неразрывно, нерасторжимо, это не воспоминание, не ностальгия, а «вечное свидание», образ её «у самого сердца в груди» [14, с. 109].

В восприятии и поэтическом воссоздании событий гражданской войны

в лирике Н. Оцупа значительную роль играет мотив сна, «в котором человек, хотя бы и прославившийся за себя постоять, погибает от нежности, сочувствия, беспомощности» [10, с. 131]. Сон, грёзы, воспоминания, видения заставляют лирического героя переживать страшные моменты своей жизни вновь и вновь, чувствовать «свою и чужую незащищённость от звёзд и от жизни» [10, с. 132]. Показательны в этом отношении стихотворения «Любовь», «Всю комнату в два окна...», «Сон», «Мне детство приснилось ленивым счастливецом», «Я приснился себе медведем».

Впечатления от гражданской войны в поэзии В. Смоленского закрепились в вариациях на тему одиночества, обездоленной жизни, проходящей под знаком личной трагедии и мировой катастрофы. Мотивы сна, воспоминаний, грёз свойственны и лирике Смоленского, как, например, в стихотворениях «Никогда я так жалок не был...», «За ночами проходят дни...», «Закрой плотнее дверь, глаза закрой...» и многих других.

Воссозданный в лирике двух русских поэтов образ гражданской войны при некотором существенном различии получил сходное по тональности звучание и трагическому пафосу воплощение. Братоубийственная война явилась для них «дымным пожаром», пляшущим «градом в потоке», некой стихийной бездуховной силой, способной пробить «тёплое сердце» друга или отца, навязчивым страшным сном, от которого нет и не будет спасения. Но, вчитываясь в поэтические строки Н. Оцупа и В. Смоленского, мы понимаем, что каждый из них надеялся и верил не в возвращение былого,

но в будущее России и её торжество, причем Россию оба ощущали как страну, имеющую онтологическую светлую перспективу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные беседы: «Звено» (1923–1928): В 2-х кн. Кн. 1/ вступ.ст., сост. и прим. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 1998. 575 с.
2. Аллен Л. «С душой и талантом...»: штрихи к портрету Николая Оцупа // Оцуп Н.А.. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания. СПб.: Издательство «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. С. 3–24.
3. Ахматова А.А.. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Цитадель, 1996. 880 с.
4. Гумилёв Н.С. Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1989. 195 с.
5. Гумилёв Н.С. Наследие символизма и акмеизм // Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М.: Воскресенье, 2006. С.146–150.
6. Данилов А.Г. Русский парижанин. Поэт Владимир Смоленский. М., 2012. 165 с.
7. Евтушенко Е. Поэт в России – больше, чем поэт. Десять веков русской поэзии: Антология. В 5 т. Т. 4. М.: Русский мир, 2013. 856 с.
8. Коростелев О.А. Адамович (1892–1972) // Литература русского зарубежья, 1920–1940 / отв. ред. О.Н. Михайлов. Вып. 2. М.: ИМЛИ, «Наследие», 1999. С. 158–186.
9. Матвеева Ю.В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземigrants: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2009. 287 с.
10. Оцуп Н.А. Из дневника // Числа. Париж, 1933. № 9. С. 131.
11. Оцуп Н.А. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания. СПб.: Издательство «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. 616 с.
12. Образ Гумилёва в советской и эмигрантской поэзии / сост., предисл. и коммент. В.П. Крейда. М.: Молодая гвардия, 2004. 285 с.
13. Смоленский В.А. Воспоминания // Возрождение. Paris, 1960. № 98. С. 103–112.
14. Смоленский В.А. «О гибели страны единственной...»: Стихи и проза / сост., вступ. ст. В.В. Леонидова. М., 2001. 288 с.
15. Терапиано Ю. Избранные стихи. Вашингтон: Издательство кн. маг. Victor Kamkin, 1963. 106 с.